

Кир Булычев

Лишний близнец

Веревкин

Кир Булычев

Лишний близнец

«ЭКСМО»

1997

Булычев К.

Лишний близнец / К. Булычев — «Эксмо», 1997 — (Веревкин)

Завоевание Земли пришельцами – дело сложное, но осуществимое. Жители звезды Альфа Скорпиона для этой цели решили подменить земных детей, чтобы под их видом вырастить своих агентов. И все бы у них получилось, если бы не одна неожиданность – в городе Веревкине Клава Стадницкая начала рожать раньше положенного срока...

© Булычев К., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кир Булычев

Лишний близнец

Неоконченный роман...

Часть первая

1968 год

Некогда наш Веревкин был центром небольшого княжества, за которое боролись могучие соседи – рязанцы и туляки. Городище и сегодня можно различить за взорванным в тридцатые годы собором. Его взрывали, но не до конца, динамит кончился. За перерасход динамита, говорят, репрессировали командование саперной дивизии. Все может быть – времена стояли морозные.

Я патриот Веревкина. Мальчишкой я бегал по зеленому склону за улицей Льва Толстого к запруженной речке Веревке. Там мы купались, а в омуте жил сом гигантских размеров. Мы его иногда видели, он даже уток воровал. Но взрослые нам не верили до тех пор, пока в омуте не взорвалась в сорок первом немецкая бомба. И тогда сом погиб и выплыл светлым брюхом кверху, и был он размером с небольшую подводную лодку. Но всем было не до сома, потому что сначала через Веревкин прошли немецкие танки, а когда выпал снег и танки завязли, на них напала конница генерала Белова. К тому времени сом уже вмерз в лед, местные жители вырубали его из льда ломтями, тем и жили до весны.

Простите, что я отвлекаюсь, но иногда хочется поговорить неспешно и передать кому-то память о вещах, никого теперь не интересующих. В войну я был мальчишкой, потом окончил пединститут, с тех пор работаю в школе № 2. Школа № 1 расположена по ту сторону рынка, где район пятиэтажек, а наша осталась в здании дореволюционной гимназии на улице Льва Толстого. На гимназии – вы, наверное, обратили внимание – есть мемориальная доска о том, что там учился академик Соснихин, дважды Герой Социалистического Труда, создатель самоходных комбайнов.

В сквере у бывшего собора мы намеревались, как положено, поставить бюст на родине дважды Героя, но оказалось, что ни одной фотографии нашего славного земляка не сохранилось. А когда инициативная группа во главе с нашим завучем Людмилой Африкановной ездила в область, ей объяснили, что под комбайнами подразумевалось нечто совсем другое, из-за чего академик Соснихин был настолько засекречен, что было указание сжечь даже его школьные фотографии. И дом, в котором он родился, вместе со всеми свидетелями. Последнее, как вы понимаете, шутка. Дом, конечно, стоит на месте, хотя состояние его оставляет желать лучшего. Но родственников его нашим школьным следопытам отыскать не удалось. К тому же в последние годы выяснилось, что фамилия академика Соснихина совсем не Соснихин, настоящая фамилия была вычеркнута из всех документов, школьных журналов и даже из книг ЗАГСа. Тем не менее мы продолжаем гордиться нашим земляком и раньше устраивали пионерские сборы в его честь.

Я проживаю вместе с моей супругой Нианилой Федоровной в двухэтажном деревянном доме в переулке Урицкого рядом с бывшей часовней Аники Воина. Мы занимаем две комнаты на втором этаже, и так как у нас нет детей, то жилищные условия у нас более чем хорошие. Вторую квартиру из двух комнат занимают Стаднические. Коля – мой бывший ученик, после службы в армии он стал работать в райпотребсоюзе, а его жена Клавдия, для нас просто Клава, приходится дальней родственницей моей супруге, и мы считаем ее как бы нашей дочерью. Так что наш второй этаж живет дружно, мы посещаем праздники друг у друга. К сожалению, пер-

вый этаж нашего дома занят жестяной мастерской. Там выпрямляют жестяные или иные металлические предметы, которые по какой-то причине погнулись. К счастью, мастерская заканчивает работу в шесть часов вечера.

Вот такая была общая обстановка к моменту странных событий, а о состоянии Веревкина вы можете убедиться сами, стоит вам пройти по городу. Надеюсь, вы не заблудитесь? Прямо, до собора, там налево до памятника Ленину. А за ним начинается колхозный рынок.

Стадницкие хотели ребенка. Мы тоже хотели, чтобы у них родился ребенок и дома стало бы оживленнее. Мы даже обещали молодым людям, что будем помогать им растить ребенка и сидеть с ним, если понадобится.

Клавдия, которая работала методистом в Доме культуры имени Клары Цеткин, взяла декретный отпуск раньше срока, за свой счет. Мы были с ней согласны.

Коля Стадницкий хотел мальчика, а Клава хотела девочку, это обычный и понятный семейный конфликт. Наш доктор в женской консультации Дина Иосифовна внимательно относилась к будущей матери и уверяла, что беременность проходит нормально. Затем ребеночек начал двигаться и проявлять признаки жизни.

Сейчас я стараюсь вспомнить, когда же могло произойти то трагическое событие, которое и послужило толчком ко всему. Это событие было незаметным, оно должно было быть незаметным, и все же меня порой мучают мысли, что я мог бы остановить или хотя бы предупредить трагедию.

Мы не раз обсуждали с Нилой эту проблему и пришли к общему мнению, что все началось в консультации, когда Клава пришла к своему врачу Дине Иосифовне с опозданием на полчаса и никого в коридоре не было. Как она сама мне рассказывала, Клава постучала в дверь и вошла. Дина Иосифовна приняла ее с обычным вниманием, сделала укрепляющий укол и затем осмотрела с помощью аппарата, который сама называла портативным УЗИ – то есть аппаратом для ультразвукового исследования, которого раньше в нашей больнице и в помине не было. Клава ощущала какие-то щекотания во внутренней полости, но болезненных явлений не наблюдалось. Затем Дина Иосифовна сказала, что беременность протекает нормально и плод имеет благоприятные формы.

Клава в тот раз не заподозрила ничего неладного, если не считать того, что на следующий день встретила на рынке Дину Иосифовну и та попросила у нее прощения за то, что вчера не смогла прийти в консультацию, потому что провожала в Рязань старушку-маму и ее неудачно сшиб проходивший мимо мужчина так, что она упала и чуть не получила сотрясение мозга, очнувшись в зале ожидания, отчего пропустила автобус и пришла в консультацию только к концу приема.

– Как же так? – удивилась Клава. – Я же была у вас, и вы мне УЗИ сделали.

На что Дина Иосифовна засмеялась, полагая, что Клава шутит, но Клава не шутила и вечером рассказала моей жене Ниле как пример забывчивости докторши. Роды у Клавы произошли примерно на неделю раньше срока, по причине дня рождения ее свекрови, на котором было выкушано много разной пищи, в частности роженица налегала на маринованные грибы, которые, как пишут канадские исследователи, в некоторых случаях ускоряют начало схваток, особенно если это бледные поганки.

Схватки у Клавы начались буквально после поганок, когда гости ждали чай с фирменным тортом. Клава, будучи любительницей торта, стала терпеть и не подавать знака, что рожает, однако малыш все настойчивее стремился покинуть лоно своей матери, и, не доев торт, Клава была вынуждена покинуть торжество. Так с куском торта в судорожно сжатой руке она рожала мальчика, порой, между приступами боли, облизывая пальцы и дожевывая бисквит.

Во время родов в больницу непрерывно звонили по межгороду и спрашивали, каково состояние больной Стадницкой, но ответа не выслушивали, а кидали трубку. К концу был звонок из города Ганновера в Западной Германии, но говорили по-немецки, и пока медсестра

бегала в школу за учительницей немецкого языка, линия уже разъединилась. Моя жена Нианила Федоровна утверждала, что слышала в тот день от достойного доверия жителя улицы 26 Бакинских комиссаров, что над родильным отделением нашей городской больницы в течение двух или трех часов висела летающая тарелка, но других свидетелей этому не нашлось, да и не могло найтись, как я понимаю, потому что шел проливной дождь, а если тарелка и была, то через пять дней после родов. С другой стороны, могла быть и тарелка. Хотя в таком случае ее должны были видеть и на соседней улице имени 28 Героев-панфиловцев.

Задним числом я беседовал на эту тему с руководителем ДОСААФ Артемом Груздем, почетным пионером и вождем бригады красных следопытов. Он живет как раз на пересечении улиц имени 26 Бакинских комиссаров и 28 Героев-панфиловцев и обычно проводит дни в раздумьях о справедливости, глядя на небо. В тот день он тоже глядел на небо, но ничего, кроме дождя, не увидел. А если уж товарищ Груздь не увидел, то, вернее всего, тарелочки и не было. Ведь смог же Артем Артемович доказать на областном уровне, что среди 26 бакинских комиссаров был один провокатор, который, не будучи комиссаром, затесался в ряды расстрелянных и погиб по заданию одной разведки. И ему же принадлежит открытие того, что из 28 героев-панфиловцев двое были нерусской национальности. С тех пор в нашем городе количество героев пересмотрено.

Простите меня за старческие отступления от темы, однако картина странных и пугающих событий в нашем Веревкине раскрывается во всей своей полноте лишь при внимательном отношении к деталям.

Сами роды проходили нормально, без деталей, кроме уже упомянутых, и, когда Клава облизала все пальцы, младенец появился на свет. Младенца отнесли в палату для новорожденных, а дежурная медсестра уверяет, что примерно через три часа, уже глубокой ночью, в родильное отделение пыталась проникнуть высокая худая рыжеволосая женщина, хромящая на правую ногу. Она требовала, чтобы ее провели к роженице или по крайней мере показали младенца. Получив отказ, она побежала, хромя, прочь по улице Мало-Советской с криком:

– Какой ужас! Я опоздала! Нет мне прощения!

Вот и все, что я могу рассказать о беременности и родах Клавдии Стадницкой.

Радостно и весело готовился наш дом к возвращению Клавы из роддома. Мы с женой, а также Коля Стадницкий встретили Клаву у порога роддома, передали букет ранних тюльпанов, а Коля Стадницкий взял младенца на руки. Так мы и пошли пешком домой, благо городок невелик, и многие останавливались и поздравляли нас с прибавлением.

У входа в наш дом выстроились сотрудники мастерской. Жестянщики держали в руках стаканы и рюмки, а некоторые даже бутылки. При виде нас они стали петь разные песни и пить водку за здоровье малыша. Я постарался их обуздать, но, к сожалению, Коля Стадницкий был вынужден выпить стакан водки под соленый огурец.

Мы уложили младенца в колыбельку, он был веселый, краснощекий, голубоглазый, и я даже прослезился от растроганности. Коля Стадницкий стал делать мальчику пальцами козу, но потерял равновесие, и мы оттащили его тело в другую комнату на кровать. Жестянщики побуянили на радостях внизу и возвратились к работе с энтузиазмом, отчего младенец даже захныкал, а я спустился вниз и предложил нашим соседям разойтись на сегодня по домам. Что они и выполнили. Наступила тишина.

Мы рано уединились в нашей квартире, чтобы не мешать Клаве и Коле привыкать к своей новой жизни. Вечер был приятным, теплым, по-хорошему весенним. Мы посмотрели по телевизору какой-то старый фильм с участием актера Рыбникова, но, к сожалению, я не помню, какой это был фильм. Я хотел было постучать к Стадницким и спросить, не нуждаются ли они в нашей помощи, но Нианила отговорила меня, уверив, что, если помощь понадобится, молодые люди сами к нам обратятся.

Первая ночь прошла спокойно, хотя должен сказать, что несколько раз я просыпался, потому что начинал плакать ребенок. В ночной тишине каждый звук разносится на много метров, а когда твое сознание настроено на появление в соседней квартире младенца, отделенного от тебя деревянной стенкой, то естественно, что твоя нервная система работает с большой нагрузкой.

На следующий день была пятница, но наши жестянщики не вышли на работу, потому что накануне перепили, и для всех нас наступил счастливый и спокойный день.

С утра мы ходили смотреть на младенца и спорили, как его назвать, потом заявила Клава свекровь, женщина суровая, но была растрогана и принесла недоеденный на празднике торт. Клава как кормящая мать испытывала голод и готова была накинуться на торт, но моя супруга Нианила, благо что женщина маленького росточка, выхватила из ее рук торт и выбросила его лично в поганое ведро. В ответ на крики свекрови она заявила, что как советский человек не допустит, чтобы кормящую мать отравляли третьегоднешним тортом, который кишмя кишит бактериями.

Скандал погасили, потому что на нашу сторону встал Коля, который давно подозревал, что его мама хочет отравить молодую жену. Достаточно вспомнить, что она в прошлом году принесла Клаве на день рождения коробку с итальянскими туфлями, а когда Клава, трепеща от предвкушения, развязала коробку, в ней оказалась гадюка. Коля, ожидавший каверзы, хотел эту гадюку тут же убить, но Клава схватила гадюку за хвост и стала гоняться за свекровью, крича:

– Мы еще посмотрим, кто кого ужалит!

Перепуганная свекровь поклялась, что не открывала коробку, и мы все сделали вид, что ей поверили. И отнесли гадюку в магазин.

Вы бы слышали, какой там начался скандал, когда гадюка искусала директора и бухгалтершу. Пострадавшие лежали в областной больнице, наши с итальянским правительством обменивались нотами протеста, а итальянский посол приезжал в больницу и привозил пострадавшим цветы, дефицитные лекарства и невзрачного вида плоды киви, похожие на яйца зеленой курицы. Потом бухгалтерша заявила, что итальянский посол ее изнасиловал, пользуясь беспомощностью женщины и своим дипломатическим иммунитетом. Посла отозвали, и ему пришлось взять с собой бухгалтершу и ее двоих детей, прижитых вне брака. Теперь, говорят, он снимает ей квартиру в центре города Венеция с видом на канал, бухгалтерша сидит целыми днями у окна и плюет в канал шелуху семечек, которые ей присылают родственники. Посол давно уже повесился, и квартиру оплачивает итальянское правительство. Вот такая у Клавы свекровь, Лилия Юлиановна.

Когда моя Нилочка выкинула наверняка отравленный торт в поганое ведро, свекровь ушла, потому что ее заговор провалился. И мы остались одни.

Клава училась пеленать младенца, и младенец начал писать и какать. А я как человек, склонный к изобретательству, представил себе, что когда-нибудь, может быть, в двадцать втором веке, люди изобретут такие прокладки для младенцев, которые ты подкладываешь в штанишки или подгузники, и они впитывают все, что младенец наделал. Он всегда сухой, а ты лишь два раза в день меняешь ему эти штучки... В ответ на мое изобретение Нианила Федоровна сказала, что лучше бы эти штучки придумать для женщин, у которых наступают менструации. И женщинам будет приятно ничего не опасаться и ходить в сухости. Мы стали придумывать названия для таких прокладок, но так и не сговорились. Потом, когда Нианила села распускать мой старый свитер, она вдруг засмеялась и сказала:

– А представляешь, что когда-нибудь по телевизору скажут: «Дорогие женщины, покупайте для себя подгузники!»

– Нет, – засмеялся я, – лучше пускай на экране возникнет такая красавица, как Любовь Орлова, и скажет: «Раньше я в такие дни просто истекала, а теперь хожу сухая...»

– Перестань хамить! – обиделась моя любимая жена. – Такого, к счастью, быть не может. Мы помирились, но через четверть века оказалось, что в нас тогда бурлил дух предвидения. Вы меня понимаете?

Молока у Клавы было достаточно, и она кормила ребеночка сама.

Мы любовались ею, как богородицей, и Клава совсем не стеснялась, хотя своего мужа Колю стеснялась и гнала.

Часов в шесть вечера случился странный визит.

Перед нашим домом остановился грязный, помятый, я бы сказал, несчастный автомобиль, он был похож на большого породистого пса, скажем, ньюфаундленда, покинутого хозяевами и прибившегося к стае бродячих дворняжек.

Из автомобиля вышел широкий бритоголовый негр в белой майке с надписью по-английски, которую я понял: «Висконсинский университет». Он намеревался войти в наш подъезд, но увидел меня у окна и знаком приказал мне открыть окно. Не знаю почему, но я подчинился его жесту, и негр спросил меня:

– Здесь проживают госпожа Стадницкая и ее семейство?

– А что вам нужно? – осторожно спросил я. Хотя в те дни, тридцать лет назад, преступность была куда ниже уровнем и в нашем городе она ограничивалась пьяными драками, все же в негре я чувствовал нечто тревожное.

– Мне нужно иметь беседу и предупредить об опасности, – сказал негр.

– Сообщите через меня, – сказал я. – Я передам.

– Я должен сделать это лично, доннерветтер! – возразил негр.

Не знаю, что за озорство напало на меня, но клянусь, что оно никак не указывает на мои расистские склонности.

– Скажите, а какой марки ваш автомобиль? – спросил я.

Негр опешил от моего вопроса и сказал:

– Это «Роллс-Ройс», любой нормальный человек поймет это с первого взгляда.

– Стыдно, молодой человек, – сказал я, – такую ценную вещь следует содержать в порядке. И если вы не можете помыть такую ценную машину, как я могу доверять вам в других вопросах?

– Вы категорически не правы, – возразил негр, – вы не представляете, по каким буеракам я вынужден был добираться до этого дома.

– Эй! – донесся до нас женский крик.

Негр резко обернулся.

– Годдам! – воскликнул он, прыгнул в машину, которая не сразу завелась, тогда как по улице, прихрамывая, к нам бежала высокая худая рыжая женщина, размахивая полосатой милицейской дубинкой.

Наконец машина завелась и рванула с места. Женщина встала на ее пути, милицейским жестом подняв жезл, чтобы остановить движение, но негр не послушался женщину, а поехал прямо на нее.

И в этот момент вся эта картинка растворилась перед моими глазами, будто все это прикидилось.

– Ты их видела? – спросил я Нианилу.

– Кого видела? – спросила Нианила, которая накрывала на стол.

– А может, ты их слышала? – спросил я.

– Закрой окно, – сказала моя жена.

Если она не видела и не слышала этого конфликта, подумал я, то нет смысла пересказывать его содержание. Она же все равно не поверит.

Больше никаких событий до самой ночи не происходило.

Мы легли спать как обычно, и сначала я крепко заснул, ибо не жаловался в те годы на бессонницу, будучи мужчиной в самом соку жизни. Это теперь, уйдя на пенсию, я провожу ночи без сна и в тревогах.

Ночью мне слышались всевозможные стуки и перезвон, более того, мне снилось, а может, мерещилось сквозь дремоту, как звезды говорят друг с другом, передавая зашифрованные сообщения.

Я проснулся утром ровно в семь тридцать от шума.

Обычно именно в это время начинают работу жестянщики этажом ниже, но так как была суббота, то шума не должно было быть. Что меня и разбудило. То есть мой организм не ждал шума, но шум был, хотя другого типа, нежели обычно.

Шум доносился из-за стены, от соседей, в нем можно было различить человеческие крики различного тембра, удары, звон посуды. – Мы с женой вскочили. В окно лилось утреннее солнце, разноголосое верещали и свистели птички, на деревьях распускались листочки, и среди этих приятных сердцу звуков и пения резким диссонансом выделялись крики от соседей.

– Семен, – сказала Нианила, – мы должны спешить на помощь.

– Ты полагаешь, что наша помощь нужна? – спросил я.

– Они кричат трагическими голосами, – сказала моя жена. – Может быть, случилось... Нет, я не могу произнести!

– Случилось несчастье с ребеночком?

– Замолчи! Немедленно замолчи!

Кое-как накинув халаты, мы побежали на лестничную площадку, затем, улучив паузу в криках и грохоте, позвонили в дверь.

Нам долго не открывали.

Наконец я стал звонить настойчиво, не отнимая пальца от звонка, и через минуту дверь дрогнула и приоткрылась на узкую щель.

В щели я угадал профиль Коли Стадницкого.

– Коля, – сказал я, – доброе утро. Скажи, что произошло?

– Ничего не произошло! – резко ответил молодой человек.

И захлопнул дверь.

Мы остались на лестнице.

– Если мы сейчас не зайдем в какую-нибудь квартиру, – сказала Нианила, – то мы обязательно простудимся.

– Тогда лучше идти к нам, – предложил я. – Хоть мне и грустно сознавать, что появление ребенка ведет к конфликтам в семье Стадницких, я не чувствую себя вправе делать им замечания.

Мы двинулись было к нашей двери, но тут дверь к соседям снова приоткрылась и Стадницкий сказал нам вслед:

– И вообще вас это не касается! Не смейте совать нос в нашу личную жизнь!

– Мы и не суем, – с достоинством ответила Нианила, и мы ушли к себе.

Но недолго мы оставались одни.

Мы не успели запереть дверь, как услышали легкие шаги Клавы.

Она ворвалась следом за нами в нашу квартиру и шепотом закричала:

– Спасите меня! Он весь пошел в свою мамашу!

– Неужели он хочет отравить вас? – спросила Нианила.

– Хуже!

– Он поднял руку на ребенка?

– Ах, я сама не знаю, что говорю, – откликнулась Клава.

Тут же в дверь втиснулся Коля.

– Возвращайся домой, продажная развратная тварь, – сказал он, – не смей общаться с порядочными людьми.

– Коля, прекрати немедленно! – сказала Нианила. – Я тебя выставлю за дверь. Ты что хулиганишь?

– Я? Хулиганю? Да другой на моем месте давно бы ее задушил! Отелло своих жен за меньшие штучки на тот свет отправлял.

Мы замолчали, переваривая страшную информацию. И как назло моя любознательность опять нас подвела.

– Простите, – заинтересовался я, – а сколько жен задушил Отелло?

Тут Клава зарыдала, а Коля ответил:

– Всех, которые были... как моя!

– Ну ладно уж, – сказал я. – Что плохого могла сделать тебе жена, которая принесла тебе два дня назад из роддома чудесного сынишку?

– Вот именно, – сказал Коля.

– Но ведь я не виновата! – закричала Клава.

– Ах, ты не виновата? Не виновата – так не бойся, покажи соседям свое артистическое мастерство.

– И покажу, – ответила Клава. – Мне нечего скрывать.

– Нечего?

– Нечего! – И Клава обратилась к нам: – Пошли посмотрите, и вы меня реабилитируете.

Все вчетвером мы вновь пересекли лестничную площадку и вошли в квартиру Стадницких, из которой доносился детский плач, сопровождаемый эхом.

Надо сказать, что я входил в квартиру Стадницких с тяжелым предчувствием того, что вступаю в опасную и, может быть, трагическую эру моей жизни. Казалось бы, что такого: ну плачет младенец, ну негры ездят по нашему Веревкину в иностранных автомобилях. Меня, скромного школьного учителя русского языка и литературы, не должно касаться...

– Нас это коснется, – прошептала моя золотоволосая супруга. – Ой как коснется!

Как и положено верной спутнице жизни, Нила порой читала мои мысли. Молодые люди впустили нас в комнату, которая служила спальней им и младенцу, и подвели к кроватке с деревянными барьерчиками по бокам, купленную на вырост.

В этой кроватке лежали два младенца и пускали слюни.

Я прошу вас, уважаемый читатель, остановиться на этом месте повествования и попытаться встать на мое место.

Повторяю: мы вошли в комнату, где пахло детской мочой, присыпкой, счастливым и скромным бытом. Мы посмотрели на кроватку. В ней лежали рядышком два младенца и пускали слюни.

Вы поняли?

Мы ничего не поняли.

Мы переглянулись, потом посмотрели на родителей.

После тяжелой паузы раздался голос Коли Стадницкого:

– Видите?

Нила кивнула.

– А я так надеялся, – вздохнул Коля Стадницкий, – я так еще надеялся, что у меня ночной кошмар и галлюцинации. А бывают коллективные галлюцинации.

– Коллективные галлюцинации! – воскликнула оскорбленным голосом его молодая супруга. – А кто в меня кастрюлей кидал, убить хотел? Кто осыпал меня оскорблениями и рукоприкладством?

– А что мне оставалось делать? – ответил плачущим голосом Коля. Он уступал жене в размерах, но был жилистым и крепким человеком, так что всегда мог одолеть пышную, белую, мягкогрудую Клавдию.

– Простите, Коля, – спросил я, с трудом оторвав взгляд от кошмарного зрелища. – Но за что вы рассердились на свою жену?

– Как за что? За измену, вот за что! – откликнулся Коля.

– Да не рожала я его! – взмолилась Клава. – Христом богом клянусь, не рожала. Я одного рожала и одного домой принесла. Неужели бы я не заметила, когда второго рожала?

– Вряд ли это возможно, – поддержал я Клаву.

– А я говорю – это заговор! – настаивал Коля. – Ты одного от меня родила, а второго потом, специально, потому что не мой он ребенок, а плод измены.

– Так это с кем я тебе, дурак, изменяла?

Молодые супруги вновь начали сражение, но убежать с поля боя мы с Нилой не могли, потому что присутствовали при странной загадке мироздания, а загадки требуют разрешения.

– Всем известно с кем! – кричал Коля. – С Гасаном из вашей конторы.

– Это чтобы я – с Гасаном?!

– Такие, как ты, только с Гасаном и могут!

– Да ты посмотри, глаза твои слепые! – возмутилась окончательно Клава. – Гасан – черный?

– Еще какой черный!

– И глаза у него черные?

– Ну и что?

– И кожа смуглая?

– Ни у что?

– И нос как дыня?

– Ну и что? Что? Что?!

– А то, что младенцы одинаковые и оба в тебя, подонок! Ты посмотри – глаза серые, носы курносые, губы наружу и уши вертикально!

– Клава права! – быстро произнесла моя жена, чтобы Коля не успел придумать какую-нибудь другую глупую версию. Нила, как и я, понимала, что дело куда сложнее, чем простая супружеская измена. При простой супружеской измене близнецы не рождаются с промежутком в пять дней. Не знает такого мировая наука.

– Ясно, – сказал Коля. – Я понял. Это не Гасан, а Пупенченко из Гортопа! И курносый, и глаза серые.

– А уши? – спросила Клава. – Уши у него прижатые, а вертикальные уши только у тебя и отросли, урод лопоухий!

Коля пощупал свои уши. Они и в самом деле выдавались вертикально к поверхности головы.

– Это ничего не значит, – сказал он. – В детстве у меня другие уши были.

– Что же это, я тебя с детства не знаю, что ли?

– И я твой характер с детства освоил! – произнес Коля.

Младенец справа заплакал. Он сучил ножками.

Мы все смотрели на него. Второй младенец повернул головку и тоже посмотрел на него. Господи, они были абсолютно похожи!

Но Коля сделал иной вывод.

– Вот, – сказал он, – правый – это мой. Я чувствую. Он плачет и страдает от твоей, Клава, подлой измены!

И тут, как бы подслушав обвинения Коли, второй малыш зарыдал так, что правый перестал плакать и воззрился на брата.

И правда, я уже не мог называть их иначе как братьями, близнецами, хотя этого и быть не могло.

– Послушай, Коля, – сказала моя супруга, – ты можешь шуметь и бить посуду, как тебе хочется, но твоя жена здесь не виновата. Она в себе носила только одного младенца, это может Дина Иосифовна подтвердить. И я сама Клаву у роддома встречала, и ты сам младенца на руках нес. И он был один.

– Сначала был один, – ответил Коля, – а сегодня ночью она еще одного родила. Тайком от меня, потому что это не мой ребенок!

– Ясно. – Я вмешался в этот пустой разговор. – И какой же из них твой, а какой чужой?

– Совершенно очевидно, – ответил Коля. – Справа мой, а слева чужой.

– И почему?

– Разве не ясно? – спросил Коля. – Справа мой, а слева ихний.

– И как же ты их различаешь? – спросила моя жена Нианила.

– У него мой голос проклевывается.

Клава наклонилась к кровати, взяла того младенца, который плакал пронзительнее, обнажила полную грудь и дала ее мальчику. Тот сразу замолчал и зачмокал.

Второй заплакал еще громче.

– Прекрати кормить узурпатора! – закричал Коля. – Корми моего ребенка.

Он даже протянул руку к жене, чтобы оторвать младенца от ее груди, но Нианила встала между ним и кормящей матерью и сказала:

– А ну-ка погляди на кроватку. Разве ты не видишь, что она правого взяла, того самого, которого ты за своего держишь?

– Разве? – Коля находился в шоке. Руки его тряслись, и взор блуждал. – Вы так думаете, тетя Нила?

– Я уверена, – сказала моя жена. – И думаю, что хватит устраивать здесь базар. У тебя родились два близнеца, ты их различить не можешь, оба – точная твоя копия, а ты смеешь кричать на жену!

– Это точно... – Коля потерял боевой пыл, но окончательно не сдался. – А когда же... где он вчера был?

– Вчера он из нее еще не вышел, – сказал я. – В медицине такие случаи известны.

Я лгал, но лгал во спасение. Я понимал, что младенцы не виноваты. И Клава не виновата, и Коля не виноват. Тут действует какая-то внешняя сила.

Коля стоял посреди комнаты и думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.